

— Я тоже считаю, что еда в Чёрной Башне отвратительна. Твоя мама так заботится о тебе, что специально присылает тебе еду. — Страж с завистью посмотрел на медвежий ланчбокс в руках Чжао Хунгуана. Хотя он его не открывал, но по шутливому замечанию человека, передавшего контейнер, — «Мамина сладость», — он уже ощущал аромат еды. Ведь для многих мама — это синоним тепла, заботы и вкусной пищи.

Честно говоря, за последние дни Чжао Хунгуан, кроме постоянного приёма энергетических стимуляторов, ни разу не заходил в столовую. Еда там, чтобы не раздражать чувствительные органы восприятия стражей, была слишком пресной и далёкой от понятия «вкусно».

— Спасибо. — Чжао Хунгуану сейчас было не до разговоров с дружелюбным стражем. В то время как многие больные стражи в Чёрной Башне боролись за жизнь, этот человек пытался завязать беседу о еде. Конечно, он понимал, что винить его не стоит, ведь радости и горести людей не всегда совпадают.

— Брат, я принёс омурайсу. — Чжао Хунгуан закрыл за собой дверь и подошёл к Хань Цзюню, который всё ещё был прикован к медицинской койке.

Благодаря транквилизатору тот не спал долго, но, с другой стороны, признаков ожесточения у него пока не наблюдалось.

Однако спустя ночь жгучая боль в глубинах его ментального моря усилилась, что причиняло привыкшему терпеть Хань Цзюню невыносимые страдания.

Он сжал брови, время от времени стискивая зубы от боли, чтобы не издать слабого стона, который мог бы выдать его слабость.

— Это твоя мама приготовила? — Хань Цзюнь открыл глаза. Он выглядел куда более измождённым, чем раньше. Слабый свет в его помутневших глазах, казалось, вот-вот погаснет.

— Да. — Чжао Хунгуан осторожно открыл контейнер. Перед ним предстал горячий омурайсу, яркий желток яичницы покрыт густым слоем красного кетчупа, источая соблазнительный кисло-сладкий аромат.

— Моя мама отлично готовит. Когда ты поправишься, приходи к нам, попробуешь её блюда. — Чжао Хунгуан снял ложку с крышки контейнера, зачерпнул немного и поднёс ко рту Хань Цзюня.

— Попробуй, брат. — Хотя Чжао Хунгуану всё ещё казалось немного странным называть Хань Цзюня «братом», ведь тот, с его зрелой и привлекательной внешностью и разницей в возрасте, больше походил на дядю. Но, учитывая настроение Хань Цзюня, он всё же решил называть его именно так.

— Ты не ешь? — Хань Цзюнь сглотнул. Воспоминания о вкусе еды заставили его рот наполниться слюной, несмотря на горечь.

— Сначала ты. — Чжао Хунгуан не был голоден. Утром он выпил две бутылки энергетического стимулятора, который дала ему Наташа. Этот высокотехнологичный препарат, несмотря на дороговизну и химический привкус, практически не имел недостатков. Помимо обеспечения тела необходимой энергией, он даже создавал чувство сытости.

— Тогда я не буду церемониться. — Хань Цзюнь покорно открыл рот. Прикованный к кровати, он даже не мог самостоятельно есть или справлять нужду. Это было его печалью, но и его неизбежностью.

Хотя Хань Цзюнь постоянно твердил, что хочет омурайсу, когда он наконец попробовал это давно забытое блюдо, его вышедшие из-под контроля чувства вызвали сильное раздражение на языке. Ему нравилось, как кетчуп, словно лава, растекался по языку, но кисло-сладкий вкус усилился в десятки раз, а его шаткий ментальный бастион уже не мог защитить его от такого воздействия.

— М-м... — Хань Цзюнь чуть не прикусил язык. Упрямство заставило его сжать губы, а затем с усилием проглотить эту мучительную массу. Он больше не мог ощутить вкус любимой еды.

— Брат, что случилось? — Чжао Хунгуан запаниковал, инстинктивно вскочив на ноги.

По выражению лица Хань Цзюня он должен был понять, что тот не может есть обычную еду, но ему было жаль раз за разом лишать его желаний.

— Э-э... рвота... — После того как Хань Цзюнь с усилием проглотил еду, следующей жертвой стал его желудок.

Из-за того, что долгое время он питался только питательными концентратами и даже через зонд, его некогда крепкий желудок, способный переварить пять фунтов жареного стейка, атрофировался. Даже небольшое количество жира или твёрдых частиц в еде вызывало у него проблемы с пищеварением и отторжение.

В результате Хань Цзюнь внезапно начал рвать. Хотя он съел всего один кусочек омурайсу, из него вышло большое количество желудочного сока и даже желчи.

Чжао Хунгуану пришлось отложить контейнер и начать похлопывать Хань Цзюня по спине.

— Не переживай, просто я давно не ел обычной еды.

После рвоты Хань Цзюню стало немного легче. Видя, как Чжао Хунгуан растерялся из-за его состояния, он попытался успокоить его.

— Прости! — Чжао Хунгуан начал жалеть, что не подумал об этом раньше. Зная из учёбы в Академии Проводников, что тело Хань Цзюня, возможно, не выдержит такого стресса, он всё же...

В итоге Чжао Хунгуану пришлось самому доесть омурайсу. Он ел очень внимательно, и когда осознал, что, возможно, ест последнюю еду вместо Хань Цзюня, поспешил выгнать эту недобрую мысль из головы.

— Хорошо, когда есть мама. — Хань Цзюнь, наблюдая, как Чжао Хунгуан с милым медвежьим контейнером доедает его любимое блюдо, вздохнул.

Чжао Хунгуан поднял голову, облизал рисинку с губы и спросил:

— Кстати, брат, а где твои родители? Ты так сильно болен, разве они не могут навестить тебя?

— Мои родители? — Хань Цзюнь задумался. — Моя мама ушла вскоре после моего рождения. Я жил с отцом, а когда мне было десять, он умер. Эм... он тоже был стражем, ранга S5. У него не было совместимого проводника, а из-за вспыльчивого и замкнутого характера его не брали в официальные отряды. Поэтому он брал только те задания, от которых отказывались другие, зарабатывая мало и рискуя жизнью.

Здесь Хань Цзюнь замолчал. По его спокойному выражению лица было сложно понять, какие чувства он испытывал к отцу.

— Однажды, выполняя задание, он, как говорят, подвергся ментальной атаке врагов, что привело к разрушению его бастиона и ожесточению. Позже его «почётно казнили» чистильщики Тауэр-зоны. Конечно, всё это я узнал от других. В тот день он сказал, что взял выгодное задание, и специально купил жареную курицу, чтобы я мог поесть. Я съел половину, оставил другую ему, ведь, как бы он ни был неприятен, он всё же мой отец. — Хань Цзюнь опустил взгляд и тихо усмехнулся. — Кстати, чистильщиков уже переименовали в «хранителей», ведь старое название звучало как-то слишком по-мусорному, правда? Хе-хе-хе...

После того как Чжао Хунгуан убрал палату, Пухляш снова выпрыгнул из слегка расслабившегося ментального моря хозяина. В этот момент Хань Цзюнь как раз закончил рассказ о своей жизни.

— Чирик. — Пухляш легонько клюнул мочку уха Чжао Хунгуана, почувствовав, что в его мыслях скопилось слишком много печали. «Какой же беспокойный хозяин», — подумал он.

— Прости, что заставил тебя вспомнить эти неприятные моменты. — В отличие от Хань Цзюня, который рассказывал о своих страданиях так легко, нос Чжао Хунгуана начал пощипывать. Сам он был ещё почти ребёнком, и события, выходящие за рамки его понимания, было трудно переварить, а значит, и утешить Хань Цзюня должным образом.

После пробуждения проводника, хотя Чжао Хунгуан редко виделся с родителями, каждый раз, возвращаясь домой в Безопасную зону A1, он чувствовал их искреннюю заботу. Именно благодаря такой тёплой семье его жизнь была наполнена светом и протекала без особых трудностей. Ему было сложно представить, как десятилетний Хань Цзюнь, сидя с половиной жареной курицы, ждал возвращения отца, чувствуя себя одиноким и беспомощным. Ему хотелось вернуться в то время, чтобы быть рядом с ним, как сейчас.

<http://bllate.org/book/15254/1345145>